

Сюй Цыань хотел заставить Гун Чэня горько плакать.

Этого лживого мерзавца следовало изводить до полусмерти.

Именно так он и думал.

Однако где-то закралась ошибка.

— Прыгай.

Когда Сюй Цыань произнес это, его ледяной взор впился в лицо Гун Чэня.

Восемь лет назад это лицо было подобно чистому листу — простому и понятному. Любая мысль мгновенно отражалась в его мимике.

Теперь же Сюй Цыань не мог разглядеть ничего.

Ни обиды, ни унижения. Лицо юноши оставалось безмятежным, а ресницы, точно плотная пелена тумана, скрывали все чувства. Он просто прыгнул вниз.

Эта покорность выглядела...

Жалко и уродливо.

Гун Чэнь изменился.

Долгие восемь лет превратили человека, которого Сюй Цыань так яростно ненавидел, в абсолютного незнакомца.

Куда исчезла его прежняя улыбка?

Почему он больше не плачет, когда его обижают?

Сюй Цыань спас его лишь ради того, чтобы разобраться в этом.

И ни ради чего больше.

Покушение осталось позади.

В Беседке Прослушивания Дождя, что в Саду Весеннего Сияния, мать и сын впервые за долгое время разговаривали по душам.

— Скажи мне правду, — мягко произнесла Ли Наньюань, — ты ведь знал его раньше?

— Встречались.

— И только?

— Ничего важного, матушка. Позвольте мне самому со всем разобраться, хорошо?

Ли Наньюань взяла у слуги новую маску и бережно надела на сына:

— Твой отец всегда учил тебя сдержанности и хладнокровию перед лицом любых невзгод. Если не справляешься с чувствами, носи маску. Но если ты выберешь мой Путь беззаботного скитания, подобные побрякушки тебе больше не понадобятся.

— Простите, — негромко отозвался Сюй Цыань, — я всё ещё не определился.

— Путей совершенствования великое множество, не стоит торопиться. Выбирай то, к чему лежит душа, — Ли Наньюань ласково погладила его по голове. — И ещё... Как бы ты ни относился к Гун Чэню раньше, я обязана кое-что тебе рассказать. Ты помнишь свою тетюшку Чжаожань? На твоё двухлетие она прислала тебе в подарок лиловое одеяние. Оно тебе так нравилось, что ты то и дело расспрашивал, кто его подарил.

— Помню, — Сюй Цыань слегка растерялся, — но вы ведь говорили, что она умерла много лет назад.

— Восемь лет назад, — поправила мать.

Ли Наньюань устремила взгляд на холодную озерную гладь, погружаясь в воспоминания:

— Чжаожань и её супруг погибли насильственной смертью. Их сыну тогда едва исполнилось четыре года. Я полагала, что и дитя сгинуло вместе с ними. Но сегодня расспросила Дуань Тяньлани и узнала истину. Мальчик шесть лет скитался в одиночестве, пока два года назад его

не приютил клан Дуань. Я виновата перед Чжаожань...

Её голос дрогнул, и она прикрыла глаза.

В это же мгновение Сюй Цыань стремительно побледнел, но его мать этого не заметила.

Восемь лет... Дуань Тяньлань... приют... В его сознании билось имя, которое он никак не решался выпустить наружу.

Нет, это ещё не точно.

Вдруг просто совпадение?

Однако спасительная иллюзия мгновенно рассыпалась прахом.

— Тот ребёнок — это Гун Чэнь, — тихо закончила Ли Наньюань.

Она обернулась. Пронизывающий озерный ветер растрепал её волосы, и она небрежным жестом убрала прядь за ухо. В её глазах читалось чувство вины: перед погибшей подругой и перед собственным сыном.

— Цыань, — спокойно произнесла она, — ты ведь не будешь против названного брата?

Это был не вопрос, а утверждение, не терпящее возражений.

В беседке воцарилась удушливая тишина, нарушаемая лишь свистом холодного ветра, морщившего воду.

Спустя долгое время Сюй Цыань услышал собственный бесстрастный голос:

— Я сделаю так, как вы скажете.

А что ему ещё оставалось?

Как почтительный сын, он не мог выставить мать неблагодарной в глазах покойной подруги. Как старший, не смел винить сироту, лишившегося крова.

Именно в эту секунду Сюй Цыань наконец всё осознал.

Понял, почему много лет назад выбрал именно Гун Чэня, почему возненавидел его теперь, почему вид его покорности вызывал в нём такое отвращение и почему ему так отчаянно хотелось довести его до слёз.

Всё дело в зависти.

Он безумно завидовал той былой свободе Гун Чэня, его способности искренне смеяться и плакать навзрыд.

А теперь Гун Чэнь оказался скован теми же невидимыми цепями и превратился в такое же безжизненное подобие человека, каким был сам Сюй Цыань.

Какое разочарование.

«Какое жалкое зрелище», — отрешённо подумал он.

Усадьба Опавшей Сливы, принадлежащая семье Сюй.

Когда Гун Чэнь пришёл в себя, в комнате никого не оказалось. Лишь на краю постели лежал сложенный лист бумаги.

Записку оставил Кэ Суй. Он спешно сообщал, что телесные раны больше не представляют опасности, однако старый недуг обострился и теперь приступы будут мучить его два-три раза в месяц.

«Прежнее лекарство теряет силу. Если в этом месяце случится новый приступ, прими тройную дозу. Отец считает, что нужно добавить ещё один целебный корень. Я срочно возвращаюсь домой, чтобы приготовить новое снадобье. Чувствую, мы уже близки к тому, чтобы исцелить тебя навсегда. Береги себя. Впереди у нас много времени».

Строки были начертаны торопливо, но с глубокой заботой. Гун Чэнь бережно спрятал письмо, пообещав себе никогда не забывать этой доброты.

Сейчас самым важным было покинуть поместье Сюй.

Пусть сын Сюй Цзиньчжоу и пришёл ему на выручку, доверия к самому даосу Сюй не прибавилось. Безопаснее всего уйти как можно скорее.

— Возмутительно! — дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник незванный гость. — О, очнулся! Как раз вовремя, у меня к тебе разговор!

— Дуань Цинь? — Гун Чэнь почувствовал, что его кузен сейчас напоминает заряженный пороховой патрон. Тщательно взвешивая слова, он произнёс: — Если ты хочешь знать, как я разгадал замысел убийц, то это долгая история. Прежде всего, требуется незаурядная наблюдательность...

— Замолчи! Стал бы я слушать твоё бахвальство! — взорвался Дуань Цинь. — У меня лишь один вопрос. Клан Дуань или клан Сюй? Кого ты выберешь?

— Дуань.

— Ах ты, неблагодарная паршивая... — Дуань Цинь уже набрал воздуха для тирады, но внезапно осознал ответ. На пару секунд он опешил: — Что? Почему?

Его взгляд невольно метнулся к покрытой синяками и ссадинами шее Гун Чэня, после чего юноша поспешно отвернулся:

— Сегодня, когда тебе грозила гибель, первыми на помощь пришли люди из семьи Сюй. Я, конечно, тоже бросился в бой, но...

— Брат Цинь, — мягко позвал его Гун Чэнь.

—... Ладно. Учитывая, что ты спас мне жизнь, сегодня я позволю тебе называть меня так, — проворчал Дуань Цинь.

Гун Чэню было трудно упустить столь редкую возможность не сострить. Он откашлялся, набрал в грудь воздуха и выдал на одном дыхании:

— Братец Цинь, братец Цинь, братец Цинь, братец Цинь!

— Ах ты тварь! — лицо Дуань Циня перекосило от ярости, и он ринулся вперёд: — Я тебе язык вырву!

— Ты же только что назвал меня своим спасителем!

— Одно другому не мешает, паршивец!

Погонявшись друг за другом вокруг стола, они наконец остановились, тяжело дыша. Гун Чэнь усмехнулся:

— Раз уж мы заговорили об этом... На самом деле ты ведь хотел сказать всего одно слово, верно?

— Какое ещё слово?

— «Спасибо».

В комнате воцарилось неловкое молчание.

Наконец Дуань Цинь глухо выдавил:

— Я случайно подслушал разговор госпожи Ли с моим отцом. Похоже, семья Сюй намерена усыновить тебя.

Гун Чэнь внутренне содрогнулся.

Неужели они хотят забрать его к себе, чтобы потом по-тихому избавиться?

— Но даже если мой отец согласится на это, я костыми лягу, а не допущу этого, — упрямо отрезал Дуань Цинь.

— Это ещё почему? — искренне удивился Гун Чэнь.

— Потому что ты... ты... — лицо Дуань Циня мгновенно залила густая краска. Губы его едва шевелились, словно склеенные: — Мой брат.

Гун Чэнь замер от неожиданности.

Прошло несколько секунд, прежде чем он пришёл в себя.

— Если твой брат — паршивый пес, то кто тогда ты сам?

— Гун Чэнь, чтоб ты сдох!

В следующее мгновение Гун Чэнь пулей вылетел из комнаты, но его весёлая улыбка мгновенно погасла, стоило ему наткнуться на знакомую фигуру у дверей.

Выскочивший следом Дуань Цинь вытаращил глаза, будто увидел призрак:

— Ты?! Какого чёрта ты здесь делаешь? Подслушивал?!

Пусть маска на юноше сменилась, но его величественная, холодная осанка и висящий на поясе белоснежный меч не оставляли сомнений в том, кто перед ними.

Сюй Цыань стоял у порога. Его взгляд, устремлённый на Дуань Циня, мгновенно обдал того ледяным презрением.

Сердце Гун Чэня пропустило удар. Поспешно шагнув вперёд, чтобы прикрыть кузена от этого взгляда, он неловко кашлянул:

— Мы ведь в поместье Сюй, молодой господин Сюй волен находиться там, где ему угодно. Какое удачное совпадение — я как раз собирался разыскать вас, чтобы выразить благодарность. За сегодняшнее спасение...

Он осёкся, низко склонился в вежливом поклоне и продолжил:

— Гун Чэнь сейчас не в состоянии отплатить за вашу доброту, но клянусь, в будущем я верну этот долг сторицей.

Пальцы Сюй Цыаня едва заметно коснулись рукояти меча.

— Нападение произошло в Саду Весеннего Сияния. Наш клан допустил оплошность, упустив убийц, так что спасти тебя было нашей прямой обязанностью. Избавь меня от благодарностей.

— Но семья Сюй — это одно, а вы...

Гун Чэнь поднял голову, намереваясь продолжить разговор, но наткнулся на мелькнувшее в глазах Сюй Цыаня неприкрытое отвращение. Слова застряли в горле.

— Убирайся, — ледяным тоном оборвал его Сюй Цыань. — Скажешь ещё хоть слово, и уползёшь отсюда калекой.

Гун Чэнь промолчал.

Вскоре они покинули поместье. По пути Дуань Цинь без умолку и крайне эмоционально поносил Сюй Цыаня, обвиняя того во всех грехах, а Гун Чэнь лишь молча торопил коня.

Сюй Цыань долго смотрел им вслед, пока силуэты не растаяли вдали. В его памяти вдруг всплыл образ себя пятилетнего, точно так же стоявшего на пороге и провожавшего взглядом этого человека.

Тогда он тихо прошептал: «До завтра».

Теперь же в его душе воцарился покой. Всё кончено.

Обида, терзавшая его долгие восемь лет, растаяла без следа, словно снежинка, когда-то опустившаяся на лоб Гун Чэня.

Сюй Цыань, не сумев удержать гостя, отправился к матери признать свою вину. Ли Наньюань не стала его упрекать, однако юноша сам настоял на полумесячном затворничестве в своих покоях.

Спустя пятнадцать дней затворничества его духовные силы возросли. Встретившись с отцом, Сюй Цыань наконец объявил о выборе пути совершенствования, с которым не мог определиться со времён формирования Золотого ядра.

— Отец, я хочу следовать вашему Пути.

— Ты хорошо всё обдумал? — строго спросил Сюй Цзиньчжоу.

— Моё решение твёрдо.

— Прекрасно, — кивнул Сюй Цзиньчжоу. — С этого дня я буду обучать тебя со всей строгостью. Запомни два правила. Первое: никто, кроме нас двоих и твоей матери, не должен знать, что ты практикуешь Путь безжалостности. Второе: до тех пор, пока не достигнешь стадии Великого совершенства, твоё сердце должно оставаться холодным. Тебе запрещено познавать любовь.

— Сын запомнит это навек.

Сюй Цыань совершил земной поклон. Его голос звучал твердо и безжалостно:

— Если нарушу клятву — приму любую кару.

«Запрещено познавать любовь... приму любую кару...»

Эти слова, точно злое проклятие, эхом отозвались в сознании. Сюй Цыань резко открыл глаза.

Тяжело дыша, он прижал ладонь ко лбу, пытаясь унять дрожь в теле.

Почему призраки прошлого до сих пор преследуют его в сновидениях?

«Любая кара... Ха. Разве я уже не пожинаю плоды своего выбора?»

Он начал припоминать.

Это Царство призраков.

«Где Гун Чэнь? Что сделала матушка?» — пробормотал он.

Сюй Цыань провел рукой по постели рядом с собой — пусто. Он поспешно поднялся.

Тело полностью восстановилось. Похоже, то снадобье не таило в себе яда, а лишь погрузило его в глубокий сон.

Однако расслабляться было рано. Прежде всего следовало лично убедиться, что Гун Чэню ничего не угрожает. Едва Сюй Цыань переступил порог комнаты, как снизу донёлся тихий, глубокий голос:

— Шисюн.

Сюй Цыань вздрогнул. Опершись на резные перила галереи второго этажа, он посмотрел вниз. Внизу, у раскинувшейся неподалёку беседки, стоял высокий мужчина в ярко-красных одеждах. Он закинул голову и смотрел прямо на него.

Сумеречный свет Царства призраков мягко очерчивал его бледное, но поразительно красивое лицо, а во взгляде сквозило невероятное тепло.

Гун Чэнь... в свадебном наряде.

— Шисюн?

Лишь когда его позвали снова, Сюй Цыань очнулся от оцепенения и поспешно отвёл взгляд, пряча смущение.

— Я слышу тебя. Твой... твой голос восстановился?

— Да, — тихо рассмеялся Гун Чэнь. — Благодаря тебе и наставнику... Подожди секунду, я

сейчас поднимусь.

Договорив, он торопливо скрылся под козырьком галереи. Деревянные ступеньки отозвались дробным, спешным стуком его шагов.

Тук-тук-тук. Этот звук эхом отдавался в самой груди Сюй Цыаня, словно кто-то выстукивал ритм на его собственном сердце.

Однако когда Гун Чэнь взлетел на второй этаж, там уже никого не было.

— А? — он недоумённо огляделся по сторонам и вдруг заметил Сюй Цыаня внизу. Тот стоял в красном свадебном одеянии точно на том самом месте у беседки, где только что находился сам Гун Чэнь.

— Шисюн! — крикнул Гун Чэнь через перила. — Зачем ты убежал? Я же просил подождать!

— Ты копаешься как черепаха, — бросил Сюй Цыань.

Отрезав это, он прислонился к опорному столбу беседки, тщетно пытаясь сохранить свой обычный неприступный вид. Он и не подозревал, что его наспех собранные волосы растрепались со сна и нелепо сбились набок.

«До чего же он милый», — подумал Гун Чэнь.

Не раздумывая, он перемахнул через перила галереи и легко спрыгнул вниз. Несколько стремительных шагов — и он уже стоял прямо перед шисюном, пряча довольную ухмылку.

— Ничего страшного, если шисюн не хочет ждать. Я сам догоню тебя, сколько бы ты ни убегал.

— Что за дурацкая улыбка? — Сюй Цыань нахмурился, почуяв неладное. — С тобой всё в порядке?

— Шисюн, у тебя здесь... — Гун Чэнь едва сдерживал смех. Не решаясь подойти ближе, он просто указал пальцем на свою макушку, намекая на растрёпанную причёску.

— Точно головой ударился, — проворчал Сюй Цыань.

Решив, что кузен повредил рассудок, он сделал шаг вперёд и протянул руку, намереваясь ощупать его голову на предмет ран или шишек.

Гун Чэню стоило огромных усилий не расхохотаться в голос. Сюй Цыань явно ещё толком не проснулся, раз вёл себя столь непосредственно.

Плечи Гун Чэня мелко подрагивали от сдерживаемого смеха. Покорно склонив голову, он замер, позволяя шисюну осмотреть себя. Однако веселье мгновенно испарилось.

Прохладные пальцы Сюй Цыаня случайно скользнули по хрящiku его уха, медленно спускаясь к мочке. По телу Гун Чэня мгновенно пронёсся мощный разряд тока.

До него вдруг дошло: эти нежные пальцы, что сейчас перебирали его волосы... это были пальцы Сюй Цыаня.

Те самые пальцы, безупречно белые, изящные, которые он совсем недавно...

Дыхание Гун Чэня перехватило. Опасаясь потерять контроль, он перехватил тонкое запястье шисюна.

— Шисюн... не надо. Я имел в виду, что это твои волосы растрепались.

Он продолжал стоять с опущенной головой — отчасти чтобы скрыть вспыхнувшее вожделение, отчасти чтобы не ставить шисюна в неловкое положение.

Сюй Цыань оцепенел. Слова Гун Чэня прозвучали для него как приговор: его безупречный образ только что потерпел крах. Осознание того, что он сейчас выглядит нелепо, мгновенно вымело из головы остатки сна.

Его взгляд стал колючим и злым. Густо покраснев, он сердито приказал:

— Тогда немедленно закрой глаза!

— Уже закрыл! Ничего не вижу! — послушно отозвался Гун Чэнь, зажмурившись изо всех сил, хотя Сюй Цыань всё равно не мог видеть его глаз за маской.

Их громкие голоса долетели до ушей дремавшего неподалёку князя Яоцзэ. Хмельной и полусонный правитель недовольно поморщился, силясь сообразить:

«Что они там устроили? Неужели раздеваются?»

На самом же деле Сюй Цыань лишь поспешно снимал заколку, чтобы поправить причёску.

В наступившей темноте чувства Гун Чэня обострились до предела. Он улавливал малейший шорох шёлка, чувствовал тонкий, едва уловимый аромат, исходящий от шисюна...

Вдруг шорох прекратился. Раздался резкий металлический звон — золотой венец выскользнул из рук Сюй Цыаня и упал на каменные плиты.

— Шисюн? — негромко позвал Гун Чэнь, не открывая глаз.

Густые чёрные волосы Сюй Цыаня рассыпались по плечам, и несколько прядей упали ему на лицо. Среди этой угольной темноты что-то серебристое болезненно резало взгляд.

Сюй Цыань застыл.

Среди тёмных локонов отчётливо белела седина.

<http://bllate.org/book/20729/2152298>